

„Куплетист“ Кустинский

Лиричная жизнь, производственная и творческая деятельность куплетиста Н. Кустинского составляет единое гармоническое целое. И дома, и во взаимоотношениях с товарищами, и на эстраде Кустинский ведет себя, как человек, забывший об элементарных нормах советской морали.

Вот образцы поведения его в быту. Сытно пообедав, скажем, в ресторане «Астория», он уходит, не заплатив по счету. Когда же официантка обращается с заявлением в общественную организацию Мосэстрады, он нагло заявляет: «Причем здесь местком?» — и не является на заседание. А вслед за этим отказывается уплатить по счету и в «Авроре», и в «Гранд-Отеле». Наняв автомашину и доехав к месту назначения, он спокойно скрывается в дверях подъезда, не рассчитавшись с шофером. Он берет у товарищей деньги взаймы «на несколько дней» и не возвращает их.

В местком Мосэстрады есть заявления не только официантов, шоферов и других пострадавших от Кустинского товарищей. Имеется заявление, явно по ошибке поданное в местком вместо прокуратуры: усиленно распространяя слухи о каких-то своих связях, Кустинский обещал пианистке В. достать... ордер на комнату, за что получил от доверчивой «клиентки» 15 тысяч рублей, оставив ее без комнаты и без денег...

Производственная деятельность Кустинского характеризуется главным образом скандалами за кулисами, а также отказами от «невыгодных» выступлений, опозданиями и срывами концертов. Так, без всяких уважительных причин он не приехал на концерт на ст. Фабричная; устроил скандал за кулисами во время концерта в Строительном техникуме; не являлся во-время к выступлениям, ссылаясь на болезнь, хотя никогда не представлял больничных бюллетеней. Об аналогичных случаях сообщалось в письме из Ивановской филармонии, и в письмах из Львова, Саратова и других городов,

где, надо думать, сей «столичный артист» вел себя еще менее скромно.

Что же касается творческой деятельности куплетиста, то самое яркое представление о ней могут дать «слова» самого Кустинского (из 15 названий, имеющихся в его репертуаре, для 12 музыка взята главным образом из популярных кинофильмов и песен, а слова — собственного его сочинения). Он так прямо и заявляет об этом:

Сам стучу (речь идет, видимо, о чечотке),

Сам шучу,

Сам читаю, подпеваю.

Чудеса, чудеса —

Можно ль петь без голоса?

Говорят, писать куплеты

Могут только лишь поэты,

А я сам, а я сам,

Я не верю чудесам.

Угостив зрителя еще рядом куплетов подобного же качества, Кустинский почти каждый из них заканчивает выражением сожаления по поводу предстоящего расставания с аудиторией. И лишь в одном из куплетов заявляет более откровенно:

Я готов петь всю ночь,

Хоть осенние ночи — не летние,

Вы, я думаю, тоже не прочь,

Но дирекция просит — конкретнее.

Милый зритель, ты норму мою

Зря в уме не подсчитывай —

Я вот этот куплет допую,

А на большее ты не рассчитывай!

Плохого же мнения куплетист Кустинский о «милом зрителе!» Советский зритель не только не «рассчитывает на большее», но не желает слушать даже ту «норму» пошлости и халтуры, которую ему преподносит Кустинский. Зритель давно уже требует изгнать с советской эстрады этого халтурщика и пошляка. Того же требует и коллектив работников Мосэстрады, не раз обсуждавший его похождения, дискредитирующие звание артиста, недостойные советского гражданина.

Законное требование!

Оно должно быть удовлетворено. И чем скорее, тем лучше.

Мих. СЕРГЕЕВ.

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО
Г. Москва

— 3 ИЮЛ 1948